

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

С.В. БИРЮКОВ

Основные модели представительства региональных интересов в современной политике (Зарубежный опыт)

Представительство интересов региона, согласование интересов различных субъектов региональной политической системы, взаимодействие с другими субъектами региональной политики (политическими партиями, профсоюзами и др.) осуществляет региональная политическая власть. Она участвует в качестве выразителя интересов региона в клиентарных сетях, формируемых центральной властью и дополняющих систему формально-правовых отношений Центра и регионов. Через эти сети она получает поддержку (политическую, правовую, экономическую), необходимую для успешного осуществления власти и управления, в обмен на собственную лояльность и проведение политики Центра на местах.

В свою очередь, в качестве представителя территориально-регионального сообщества региональная политическая власть призвана отстаивать перед лицом федеральной власти интересы различных заинтересованных групп и сегментов регионального социума. В обмен на это, как уже говорилось, она получает поддержку региональных заинтересованных групп, которую использует для укрепления собственных позиций и противостояния федеральному Центру в случае его неправомерного вмешательства в дела региона.

В политической науке выделяются различные модели представительства региональных интересов. В современных условиях известный приоритет отдается публичной политике, которая рассматривается в качестве самостоятельного специфического механизма представительства интересов различных акторов, действующих в рамках политической системы региона (см. [Дегтярев, 1996]).

В связи с новой моделью государственного и муниципального управления я буду определять публичную политику в узком смысле. Следует оговориться, что сам термин "публичная политика" как перевод "*public policy*" не является общепринятым в российском научном сообществе. Равно как и термин "*public administration*", который иногда переводится как "общественное управление" или "управление обществом". В то же время в англоязычных странах это синоним понятия государственного муниципального управления, понимаемого как администрация, действующая в интересах общества и под его контролем [Anderson, 1994, p. 4–5]. В более широком смысле публич-

ная политика может рассматриваться как совокупность различных проявлений активности, осуществляемых правительственными учреждениями и неправительственными акторами, основанная на формальных и неформальных механизмах, через которые действуют отдельные индивиды и организации, удовлетворяя собственные нужды и достигая поставленные цели [Rosenau, 1992].

В итоге ключевым элементом политической системы в условиях постсовременного общества становится именно публичная власть, представляющая собой совокупный социально-политический потенциал, которым обладают субъекты политики и гражданского общества. Государство и общество, соприкасаясь в рамках политического поля, могут влиять друг на друга через различные институционализированные каналы (организации и сети), благодаря чему жесткая граница между государством и обществом стирается [Jessop, 1990, p. 303].

Новая концепция публичной политики предполагает наличие многообразных сетей, связанных различными способами с формальной публичной властью, что делает малоприменимым традиционный взгляд на государство как на нечто целостное, унифицированное, иерархическое, строящееся сверху вниз [Bogason, 2000, p. 68]. В итоге на первый план выдвигается новое измерение государства, связанное с его способностью к продуцированию контактов, к сохранению коммуникативной среды, к внутренней консолидации своих структур для более эффективной реализации запросов общества [Соловьев, 2006, с. 61].

Согласно господствующей в настоящее время в политической науке точке зрения, существует некое содержательное поле политического курса, называемое по-разному: подправительство, сообщество политического курса, политическая подсистема, политическая сеть; чаще употребляется термин "политическая подсистема". В рамках такой подсистемы действуют вышеперечисленные функциональные категории акторов (политики, бюрократы, группы интересов), стремящиеся активно влиять на политику [Lehmann, 1969] и вовлеченные в административно-государственное управление [Bogason, 2000, p. 72].

Подобные изменения происходят и на региональном уровне. С точки зрения экспертов Школы региональных политических исследований в Ренне, совокупность социально-политических акторов участвует в той или иной степени в функционировании местного сообщества. В рамках поля местной политики сеть принимает форму институциональной структуры, которая накладывает определенные нормы и распределяет блага и услуги; в этих рамках последние становятся ставками власти. Децентрализация усиливает подобный процесс и диверсифицирует центры принятия решений таким образом, что сети власти начинают пересекаться и даже накладываться друг на друга. Интеграция управляющих и местного сообщества осуществляется как нисходящий процесс, который ведет местную власть к гражданскому обществу и позволяет местной системе возглавить процесс изменений [Abdelmalek, 2006, p. 14].

В новых условиях публичное действие регионального масштаба приобретает всеобщий характер, поскольку, во-первых, нацелено на решение комплексных проблем на территории, границы которой не покрываются только административным и политическим аппаратом. Во-вторых, поскольку подобное действие не является прерогативой одной организации или административной сети, оно также приобретает трансверсальный характер, так как осуществляется прежде всего путем комбинирования партнерских действий между публичными, частными и ассоциативными акторами. Статус региональной публичной власти определяется, таким образом, способностью к кооперации и координации, что означает преодоление ограниченности административных организаций классического типа [Filatre, 2006, p. 83].

Последнее, по мнению исследователей, свидетельствует о преодолении межсекторальных границ и неадекватности бюрократической модели публичного вмешательства в контексте формирующейся территориальной публичной политики. Территория становится пространством управления различными проблемами и одновременно утверждает себя как эпицентр публичного действия [Filatre, 2006, p. 83].

В этой связи возникает вопрос, как выстраивать публичную политику в контексте публичного территориального управления? По мнению Д. Филатра, при этом необходимо учитывать следующие обстоятельства:

- публичная политика на уровне территорий выступает как пространство публичного действия, характеризующееся полицентризмом;
- коллективное действие в рамках территориальной публичной политики в первую очередь связано с ослаблением традиционных барьеров между публичной и частной сферами, а также с возросшей ролью посреднических операторов;
- новый социальный порядок на уровне территорий конституируется как переговорный порядок, что означает неизбежность непрерывной реконструкции базы согласованного действия;
- интеграция акторов становится значимой ставкой для управления; она требует определенных ресурсов (финансовых, экспертных, политических), призванных поддерживать управляемость и идентичность в масштабах региона [Filatre, 2006].

На мой взгляд, механизм публичной политики, рассматриваемый в региональном контексте, должен включать совокупность формальных и неформальных (сетевых) структур, осуществляющих представительство и согласование интересов различных субъектов региональной политической системы в рамках публичной сферы и трансляцию региональных и регионально-групповых интересов на общегосударственный уровень, а также конкретные формы и способы публичного взаимодействия региональной власти и других субъектов региональной политической системы в процессе формирования и реализации политики, касающейся той или иной сферы жизни региона. В число формальных структур, относящихся к данному механизму, входят официальные институты региональной власти, ведомства и учреждения, неформальных – дополняющие их разнообразные сетевые институты в "поле" политической власти, через которые осуществляется взаимодействие с властью и представительство интересов заинтересованными акторами. Их контрагентами выступают заинтересованные группы, стремящиеся воздействовать на процессы принятия решений по тем или иным вопросам и вступающие таким образом в контакт с властью и "опосредующими" акторами. Посредник во взаимодействии властных структур и их контрагентов – сообщество экспертов, аналитиков, специалистов в области социальных наук, "интеллектуалов", публицистов и журналистов, благодаря которым процесс выработки и реализации региональной властью политики в соответствующей сфере становится достоянием общественности и предметом публичного дискурса.

Основной единицей созданного на основе сетевых связей "подправительства" становятся институциональные ниши, или "гнезда". В них конкретный чиновник (политик), административное учреждение или орган власти вступают в коммуникацию со своими внешними (внутренними) партнерами – заинтересованными группами и посредниками [Соловьев, 2006, с. 72].

Особое значение в новом политическом контексте приобретают такие субъекты регионального публичного действия, как заинтересованные группы. В рамках сложившегося в европейских странах подхода заинтересованные группы рассматриваются в качестве не акторов, непосредственно участвующих в принятии решений в структуре властного механизма, а специфических субъектов гражданского общества, оказывающих влияние на политику и власть; для характеристики их политической роли используются термины "корпоратизм, давление, влияние, вмешательство" [Courtay, 2006, р. 4]. В то же время в США они рассматриваются в качестве непосредственных участников процесса принятия властно-политических решений, и для их обозначения используются такие термины, как "третья палата", "ассистент правительства" или "невидимое правительство" [Truman, 1951; Richardson, Jordan, 1979; Sabatier, Jenkins-Smith, 1993].

Обобщенно группу интересов можно определить как группу лиц, стремящихся воздействовать на процессы принятия решений по тем или иным вопросам, не пытающихся установить полный политический контроль, но предпринимающих попытки

воздействовать на государственную и публичную политику. В отличие от политических партий, которые возникают и развиваются прежде всего для достижения политических целей, группы интересов не обязательно выступают как политические организации, но возникают в силу наличия некоего общего экономического или социального интереса.

Относительно вопроса о том, кто принимает решения в демократической системе, существуют разные точки зрения. Некоторые ученые считают, что в демократических системах избирательный и парламентский процессы являются легитимной основой для принятия государственных решений выборными партийными политиками [Saurugger, 2004]. Ряд исследователей обнаруживают местных и региональных акторов создающими *ad hoc* коалиции с целью более эффективного использования публичных инструментов, что не удается столь продуктивно в рамках таких формально организованных структур, как парламент и бюрократия. Другие исследователи предпочитают говорить в этой ситуации о функциональных политических сетях, на основе которых формируются "альянсы функциональных интересов" [Kenis, Schneider, 1991; Damgaard, Eliassen, 1986].

Как следствие к числу важнейших характеристик любого современного общества относится феномен политического лоббизма, изучение которого становится все более актуальным при наличии особой политической среды, в которой осуществляется лоббирование. Согласно распространенной точке зрения, лоббизм – это давление на власть, на людей, принимающих решения, со стороны разного рода группировок, или так называемых групп давления (см. [Лоббизм... 1995, с. 5]).

В то же время, по мнению ряда исследователей, наиболее мощные "группы давления" и есть фактическая власть, не просто оказывающая влияние, но контролирующая финансы, кадры, прессу, процесс принятия решений и т.д., в отличие от власти формальной – политических институтов и политиков как лиц, принимающих решения, но на деле лишь представляющих и озвучивающих, легитимизирующих реальную власть и формализующих ее решения [Smith, 2000; Лепехин, 1998, с. 119]. Лоббизм, таким образом, выступает не просто как артикуляция (представление) интересов тех или иных групп (социальных, политических, экономических) в структурах власти, но как процесс приведения формальной власти в соответствие с властью фактической, стержень которой, принятие решений в интересах ведущих групп давления как структур реальной власти.

Сущностные характеристики политического лоббизма в современных условиях состоят в выполняемых ими функциях: посредничестве между гражданами и государством, реализации плюрализма общественных интересов и дополнении конституционной системы путем воздействия на законодательную и административную деятельность государственных органов через механизм давления. Лоббирование подразделяется на: лоббизм различных социальных структур (профсоюзы, предпринимательские организации и т.д.) [Толстых, 2006, с. 7]; ведомственный лоббизм (отраслевое "проталкивание" тех или иных интересов); региональное лоббирование (воздействие на власть в Центре со стороны территорий, добивающихся определенных льгот и преимуществ для региона) [Lamarque, 1994].

Основные модели представительства региональных интересов

В свою очередь, конкретные формы лоббизма неотделимы от определенной модели представительства интересов. Поскольку "публичная политика" – известный "идеальный тип" социально-политического взаимодействия (в силу практической невозможности обеспечить полностью публичный характер процесса обсуждения, принятия и реализации политических решений), и далеко не во всех странах высоки уровень развития гражданских институтов и качество воспроизводства ими социального капитала, целесообразнее говорить о различных моделях представительства интересов в разных странах. Выделяются четыре основные теории, постулирующие собственные

модели представительства интересов: *элитизм, корпоративизм, плюрализм и сетевой подход*.

По теории элит демократия – лишь политическая форма, которая призвана скрыть реальную сущность политических отношений. На самом деле в любом обществе есть правящее меньшинство, обладающее монопольным правом на принятие решений. Это меньшинство (правящая элита, правящий класс, политический класс, истеблишмент и т.д.) занимает свое положение не в силу выборов, а в результате постепенного завоевания господствующего положения в политической сфере, благодаря чему монополизирует основные каналы согласования и выражения социальных интересов [Tarrin, 1991, p. 123].

По-моему, определенная модель согласования и выражения прежде всего интересов различных групп местной элиты лежит в основе самой природы региональной политической власти. Так, официальная администрация выступает в качестве "ядра" консолидации местной правящей элиты, выстраивая ту или иную модель клиентарных отношений с различными сегментами региональной элиты в зависимости от особенностей конкретного региона [Бирюков, 2006]. Поскольку элитарный тип отношений не охватывает всего содержания деятельности механизма представительства интересов, я остановлюсь на анализе корпоративистской, плюралистической и сетевой моделей представительства региональных интересов, используемых региональной политической властью.

Как считает Ф. Шмиттер, корпоративизм может быть определен как система представительства интересов, конституирующие субъекты которой (*units*) организованы в ограниченное число принудительных, монопольных, иерархических и функционально дифференцированных категорий, признаваемых (иногда создаваемых) государством, которое гарантирует им указанную монополию в обмен на определенную степень контроля за подбором их лидеров, выработкой их требований и приоритетов [Шмиттер, 1997, с. 15].

Обобщенная *корпоративистская модель* выражения и согласования интересов основана на следующих основных положениях. Во-первых, государственные ведомства рассматриваются в качестве относительно автономного актора, а бюрократия – в виде отдельной корпорации. Во-вторых, государственные органы не должны быть пассивными репрезентантами чьих-то интересов, а призваны активно регулировать отношения между разными группами и их политическими ассоциациями по модели трипартизма. В-третьих, это влечет за собой создание корпоративистских агентств, находящихся между государством и обществом, в результате чего многие общественные объединения инкорпорируются в механизм принятия государственных решений для осуществления совещательно-консультативных функций.

Плюралистический подход получил широкое распространение в работах американских авторов, посвященных анализу процессов принятия решения (см. [Dahl, 1961]). В его рамках государство рассматривается как результат развития социальных процессов и взаимодействия между свободно образованными группами, вследствие чего оно представляет собой форму своеобразной "вуали", которая полностью пронизывается интересами групп и соперничеством между ними. Одновременно постулируется структурное неравенство между группами интересов, а также воздействие государства на интересы и запросы заинтересованных групп [McFarland, 1987]. Содержание политики есть результирующая давления, которое оказывают группы интересов. Решение любой значимой социальной проблемы предопределяет возникновение соответствующей публичной политики, а ее результат становится итогом противоречий и их согласования в процессе взаимодействия различных групп давления между собой и с органами власти [Желтов, 2004, с. 17].

В то же время наиболее известная разновидность плюралистической теории – так называемый парламентско-партийный плюрализм, связанный с делегированием полномочий по принятию государственных решений выборным политикам, а также назначенным последними администраторам. Определенной популярностью пользовался

и функциональный плюрализм (А. Бентли, Д. Труман, Э. Латам и др.), согласно которому государственное управление осуществляется через деятельность групп интересов (или групп давления).

Ответом на вызов плюрализма стал неокорпоративизм, расцвет которого пришелся на 1970-е гг. Главные элементы неокорпоративизма как модели представительства интересов – согласование политик на макро-, мезо- и микроуровне между организациями, представляющими экономические интересы и политические институты; способность этих организаций монополизировать представительство интересов [Schmitter, 1974, p. 93–94; Шмиттер, 1997, с. 15]. Согласно неокорпоративистам, в реальной действительности очень часто имеет место более сложное, нежели в рамках корпоративистской модели, взаимодействие заинтересованных групп и государства, в ходе которого каждая из сторон совместно участвует в выработке и принятии государственных решений и управленческом процессе как таковом [Lembruch, 1982, p. 3].

Известное примирение двух подходов происходит в рамках концепции согласования интересов американского политолога А. Лейпхарта, который ввел в оборот понятие "демократия согласования" и определил его как совокупность двух основных признаков – коалиции (то есть собственно согласования) и автономии сегментов (то есть участников данного процесса) [Лейпхарт, 1997, с. 28, 38]. Тем самым обосновывается модель смешанной, корпоративно-плюралистической системы политических отношений.

В то же время, с учетом известной недостаточности используемого приверженцами корпоративизма и плюрализма понятийного аппарата, заслуживает внимания так называемый *сетевой подход*, который в течение ряда лет довольно интенсивно разрабатывается в трудах некоторых политологов. Он особенно актуален в то время, когда движение в сторону постмодернистских условий имеет значительные последствия для государства, эволюционирующего от унифицированной иерархической организации к модели сетевого управления.

С точки зрения американских специалистов, в каждой области государственного управления складывается собственная сетевая структура, или домен (*policy domains*). Внутреннюю структуру политико-управленческого домена можно сконструировать из четырех основных компонентов: политико-управленческих акторов; политических интересов; властных взаимоотношений и совместно-коллективных действий [Knoke, Kuklinski, 1982, p. 9–10].

Развивая свое понимание феномена сети, английские политологи Р. Роудс и Д. Марч определяют ее как группу (или комплекс) организаций, связанных друг с другом зависимостью в терминах ресурсов. Они отличаются от других групп и комплексов особенностями структуры этой зависимости [Marsh, Rhodes, 1992]. М. Аткинсон и У. Коулмен обращают особое внимание на институциональное устройство каждой страны, на особенности сетей в сильных и слабых государствах. На основе своих исследований они выделяют сети плюралистического и корпоративистского типов. Сети плюралистического типа возникают как следствие реакции на ту или иную конкретную политику. Сети корпоративистского типа обычно возникают в результате действий по выработке и осуществлению политики на основе предвидения [Atkinson, Coleman, 1992].

Как было отмечено выше, основная ценность сетевого подхода состоит в том, что с его помощью преодолевается чрезмерно жесткое разграничение плюралистических, корпоративистских и элитистских моделей, которые в реальной действительности не просто сосуществуют, но и все теснее взаимодействуют. Попытку примирить их, а также интегрировать институциональный и сетевой подходы для изучения власти (в том числе и на локальном уровне) предпринял датский политолог П. Богесон. По его мнению, понятие "политические сети" включает элиты, корпоративизм, ассоциативность и упоминавшиеся выше неправительственные организации. Политика в указанном контексте рассматривается главным образом как продукт переговоров и соглашений и осуществляется либо в рамках плюралистических политических сетей, включающих полуавтономные парламентские комитеты и бюрократические агентства,

либо посредством неокорпоративистских консультаций между правительством и высокопоставленными ассоциациями капитала, труда и других социальных интересов [Bogason, 2000, p. 110].

По моему мнению, сети формируют принципиально новую модель управления, в рамках которой процесс принятия политических решений приобретает форму фрагментированной и относительно открытой системы, делающей влияние конкурирующих групп интересов более ощутимым. В ее рамках прямой функцией информационных обменов между позициями и организациями является "влияние на организационную деятельность", что в конечном счете должно обеспечить "реализацию коллективных и персональных целей" [Knoke, 1990, p. 96].

На основе сетей формируется *концепция переговорного государства*, включающего самоуправляющиеся ассоциации, интегрированные на добровольной основе в макроструктуры власти. Эту концепцию также называют моделью договорной демократии [Hirst, 1994; From... 1997]. Ее дополнением служит *концепция многоуровневого управления*, предполагающая горизонтальную политическую координацию на локальном, региональном, национальном, транснациональном и супранациональном уровнях. Ключевой элемент этой концепции – перераспределение властных механизмов между различными уровнями на принципах субсидиарности (подобно Европейскому союзу) или же в рамках модели дисперсной власти с делегированием права на принятие решений нижестоящим уровням. В центре этой системы находится региональная политическая власть, выстраивающая *отношения с различными акторами на основе гибких и подвижных сетей*.

На основании сделанных ранее заключений я предлагаю рассматривать формируемую региональной властью *клиентелу в качестве специфического механизма представительства интересов, наиболее соответствующего социально-политическим реалиям современной России*. Эта клиентела, на мой взгляд, включает элементы *корпоративистской, плюралистической и сетевой моделей представительства*, но в то же время обладает рядом *специфических особенностей*:

- выступает в качестве альтернативы публичным (публично-правовым) механизмам представительства интересов;

- представляет собой форму политической сети, в рамках которой ресурсы концентрируются вокруг доминирующего властного актора, который сосредоточивает в своих руках не только функции власти и управления, но и функцию представительства интересов;

- в рамках клиентарной модели представительства интересов сеть приобретает вертикально-моноцентричный и "густой" характер, благодаря чему региональный лидер может ранжировать ее участников, выделяя "привилегированный круг" и оставляя не входящих в него акторов на положении маргиналов;

- ориентация использующего клиентарные механизмы главы региона на преимущественное выражение интересов лично связанных с ним политических и экономических акторов сближает клиентарную модель представительства интересов с корпоративистской, от которой ее в то же время отличает больший вес неформально-личных институтов и механизмов в системе представительства.

При этом *альтернатива* клиентарной модели представительства интересов может возникнуть только в том случае, если в регионе сложились автономные горизонтально-сетевые структуры, способные генерировать социальный капитал и создавать альтернативные центры политического и экономического влияния. Торжество клиентарной либо публично-плюралистической модели представительства, таким образом, зависит от исторических, политических и культурных традиций конкретной страны, территории или региона, а также от существующего типа государственно-территориального устройства.

Вполне очевидно, что особенности представительства интересов существенно различаются в зависимости от специфики политических систем различных стран и регионов. Французские исследователи Э. Гроссман и С. Соррюже обобщенно выделяют в

этой связи плюралистические, неокорпоративистские и дирижистские модели представительства интересов [Grossman, Sauragger, 2006].

Поскольку указанная классификация не принимает во внимание региональный аспект взаимоотношений властных институтов и заинтересованных групп, я предлагаю собственную классификацию, условно определяя модели взаимоотношений институтов региональной власти и заинтересованных групп как *корпоративистскую*, *плюралистическую* и *сетевую*, рассматривая их в страноведческом контексте.

С моей точки зрения, *существует определенная взаимосвязь между формой государственно-территориального устройства и моделью представительства интересов*. Так, если региональная власть функционирует на основе сложившейся в регионе плюралистической модели представительства интересов в рамках федеративного типа государственно-территориального устройства, она вынуждена учитывать и согласовывать разнообразные представленные в регионе социально-групповые интересы, интересы Центра и регионов, избегая любого "одностороннего" перекоса. Основой существующей модели представительства становятся эффективные централизованно-плюралистические политические сети. Примером подобной модели могут служить современные Германия, Швейцария, США.

Если региональная власть опирается на сложившуюся в регионе клиентарную модель представительства интересов в рамках формально федеративного механизма, она будет неизбежно тяготеть к корпоративистской модели представительства, выражающей интересы узкой группы тесно связанных с ней политических и бизнес-акторов, дискриминируя "непривилегированные" региональные группы интересов, и вести в свою пользу "торг" с федеральным Центром по схеме "уступки в обмен на лояльность". Здесь региональная власть включена в общегосударственные разреженные корпоративистские сети с относительно низкой степенью эффективности. Примеры подобной модели – современные высокоцентрализованные федерации: Бразилия, Аргентина, Индия.

Если региональная политическая власть действует на основе клиентарных механизмов в рамках унитарного (либо псевдофедеративно-централизованного) государства, она, как правило, пренебрегает интересами многих региональных заинтересованных групп ради сохранения формальной лояльности и собственного политического самосохранения. Здесь она включена в общегосударственную централизованно-корпоративистскую сеть с общей низкой эффективностью. Примерами подобной модели могут служить Нигерия, Пакистан, среднеазиатские унитарные государства бывшего СССР.

Если же региональная политическая власть функционирует на основе плюралистической модели представительства интересов в рамках унитарно-децентрализованной модели государственного устройства, то она, не имея широких возможностей для политического лоббирования интересов на уровне общегосударственной власти, тем не менее способна эффективно согласовывать и реализовывать интересы различных заинтересованных групп на уровне региона. В основе системы лежит модель автономных региональных сетей плюралистического характера. Примеры такой модели – современные Франция, Испания и Италия.

Вполне очевидно, что модели представительства интересов, существующие в различных странах, переживают процесс эволюционной трансформации. В США, Германии, Франции наряду с протекающими процессами централизации и децентрализации в системе представительства региональных интересов происходят: дальнейшее утверждение плюралистической модели (США), трансформация традиционной корпоративистской модели с постепенным внедрением элементов плюралистической модели (Германия, Франция), формирование сетевых моделей выражения и согласования интересов постмодернистского типа (модель межрегиональной кооперации и советы мэров во Франции) [Бирюков, 2006]. Выявление специфики представительства региональных интересов в России, в свою очередь, требует отдельного и специального исследования, неизбежно отражающего особенности современной модели российского федерализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бирюков С.В.* Региональная политическая власть: институты, структуры, механизмы. Кемерово, 2006.
- Дегтярев А.А.* Политическая власть как регулятивный механизм социального общения // *Полис*. 1996. № 3.
- Желтов В.В.* Теория публичного действия: новые подходы // *Научные записки Сибирской академии государственной службы*. 2004. № 5. Политические институты и процессы.
- Лейпхарт А.* Демократия во многосоставных обществах. М., 1997.
- Лепехин В.А.* Лоббизм в России и проблемы его правового регулирования // *Полис*. 1998. № 4.
- Лоббизм в России: этапы большого пути*. М., 1995.
- Соловьев А.И.* Трансъячеистые структуры как форма строения и источник саморазвития государства // *Полис*. 2006. № 6.
- Толстых П.А.* Практика лоббизма в Государственной думе Федерального Собрания Российской Федерации. М., 2006.
- Шмидтер Ф.* Неокорпоративизм // *Полис*. 1997. № 2.
- Abdelmalek A.-A.* Introduction // *Le Territoire entre l'Europe et l'Etat-Nation*. Rennes, 2006.
- Anderson J.* Public Policymaking: An Introduction. Boston, 1994.
- Atkinson M., Coleman W.* Policy Networks, Policy Communities and the Problems of Governance // *Governance. An International Journal of Policy and Administration*. 1992. Vol. 5. № 2.
- Bogason P.* Public Policy and Local Governance: Institutions in Postmodern Society. Cheltenham (U.K.)–Northampton (Mass.), 2000.
- Courty G.* Lesgroupes d'intérêt. Paris, 2006.
- Dahl R.A.* Who Governs? New Heaven–London, 1961.
- Damgaard E., Eliassen K.A.* Corporate Pluralism in Danish Law-Making // *Scandinavian Political Studies*. 1986. № 1(4).
- Filatre D.* Lesterritoires de l'action publique entre dynamiques politiques et constructions collectives // *Le Territoire entre l'Europe et l'Etat-Nation*. Rennes, 2006.
- From Statism to Pluralism*. London, 1997.
- Grossman E., Saurugger S.* Les groupes d'intérêt. Action collective et strategies de representation. Paris, 2006.
- Hirst P.Q.* Associative Democracy: New Forms of Economic and Social Governance. Cambridge, 1994.
- Jessop B.* State Theory. Putting Capitalist States in their Place. Cambridge, 1990.
- Kenis P., Schneider V.* Policy Networks and Policy Analysis: Scrutinizing a New Analytical Toolbox // *Policy Networks. Empirical Evidence and Theoretical Consideration*. Frankfurt am Main, 1991.
- Knoke D.* Political Network. The Structural Perspective. Cambridge, 1990.
- Knoke D., Kuklinski J.* Network Analysis. Beverly Hills, 1982.
- Lamarque G.* Le lobbying. Paris, 1994.
- Lehmann E.W.* Toward a Macrosociology of Power // *American Sociological Review*. 1969. № 34 (4).
- Lembruch J.* Neo-Corporatism in Comparative Perspective // *Patterns of Corporatist Policy-Making*. London, 1982.
- Marsh D., Rhodes R.* Policy Networks in British Government. Oxford, 1992.
- McFarland A.* Interest Groups and Theories of Power in America // *British Journal of Political Science*. 1987. Vol. 17. № 2.
- Richardson J., Jordan G.* Governing under Pressure: the Policy Process in Post-Parliamentary Democracy. Oxford, 1979.
- Rosenau J.* Governance, Order and Change in World Politics // *Governance without Government. Order and Change in World Politics*. Cambridge, 1992.
- Sabatier P.A., Jenkins-Smith H.C.* Policy Change and Learning an Advocacy Coalition Approach. Boulder, 1993.
- Saurugger S.* Les groupes d'intérêt // *Dictionnaire des politiques publiques*. Paris, 2004.
- Schmitter P.* Still the Century of Corporatism? // *Review of Politics*. 1974. № 36.
- Smith M.A.* American Business and Political Power. Chicago–London, 2000.
- Tappin M.* Interest Groups // *Maidment R., Tappin M.* American Politics Today. Manchester–New York, 1991.
- Truman D.* The Governmental Process. Knox, 1951.